От редакции

Предлагаемый вниманию читателя номер подготовлен по материалам международной конференции «Переводы классики: старые и/или новые», проведенной Лабораторией историко-литературных исследований ШАГИ РАНХиГС в апреле 2018 г. Конференция была посвящена актуальным проблемам исследования перевода как масштабного историко-культурного феномена: рецепции «чужого» текста (в лингвистическом, социальном, методологическом аспектах), способам взаимодействия своей и чужой культуры в поле перевода классического текста, подготовке научного перевода и издания классических текстов с учетом современного интеллектуального и социокультурного контекста.

Обращаясь к теме, как переводить классику сегодня и зачем нужны переперевод**ы** классических текстов, мы стремились не только обобщить теоретические наблюдения ученых-литературоведов, но и поделиться опытом переводчиков-практиков. Все мы, и как исследователи, и как читатели, имеем дело с переводами классики, сделанными задолго до нас. Понятно, как относиться к переводам XIX в., — они давно стали фактами истории перевода, их можно и нужно изучать в этом качестве. А как быть с переводами 50-летней или даже 25-летней давности, которые постоянно переиздаются в наши дни? Вполне ли адекватно они воспроизводят оригинал? Можно ли считать, что есть переводы, сделанные «навсегда» и отменяющие необходимость новых попыток? А если новые попытки возможны, то как за них браться? Всем этим вопросам и была посвящена конференция, материалы которой составили основное содержание данного номера.

Представленные статьи охватывают самый широкий спектр проблем перевода художественных текстов. Среди них особое место занимает проблема выбора и смены переводческих стратегий, рассматриваемая как с точки зрения истории перевода в России, так и в контексте современных требований, предъявляемых к художественному переводу. В этом отношении показательно исследование двух русских переводов «Декамерона» Боккаччо, в котором противопоставлены классический перевод А. Н. Веселовского (1891–1892), близкий к оригиналу, остраненный от читателя и призванный прежде всего заполнить ту пустоту, которая была образована в русской литературной традиции отсутствием аналогов «Декамерона», и «творческий» перевод Н. М. Любимова (1970), напротив, максимально приближающий оригинал к читателю (**М. Л. Андреев**). Отдельное исследование посвящено переводческой «неудаче» К. Д. Бальмонта, одного из известнейших переводчиков европейской драматургической классики; причинами этой «неудачи» стали смена переводческих принципов Бальмонта и его отход от вольного перевода в сторону максимальной близости к оригиналу, отразившийся в его версии «Ромео и Джульетты» Шекспира (**Е. М. Луценко**). Важнейшее место в истории русского перевода европейской классики занимают переводы сонетов Шекспира, призванные всякий раз «не обновить классический оригинал, а отменить старый перевод»: и здесь в центре исследования естественным образом оказываются ставшие классикой русской поэзии переводы С. Я. Маршака, ознаменовавшие собой сознательный жанровый сдвиг

в интерпретации ренессансного сонета (**И. О. Шайтанов**). Следующее исследование посвящено истории поисков особого «метафизического языка», способного выразить чувство и чувственность, которые начались во второй половине XVIII в. с переводов эротической (либертинской) литературы и не прекращались на протяжении всего XIX в., в конце концов оказавшись актуальными и в нынешние времена (**Е. Е. Дмитриева**).

В центре внимания участников конференции стояла такая проблема, как необходимость перепереводов многих памятников европейского классического наследия. Потребность в новых переводах — или, по крайней мере, в точечной коррекции старых — объяснялась по-разному: ошибками, неточностями и небрежением к переводу деталей историко-культурного характера в случае с переводами романов Бальзака, осуществленными в середине XX в. (**В. А. Мильчина**); необходимостью учесть современную комментаторскую традицию памятника, например, «Назидательных новелл» Сервантеса, которая позволила обогатить русский перевод сервантесовского текста многими присущими оригиналу аллюзиями, микроцитатами, философскими и риторическими топосами (**М. Б. Смирнова**); соображениями идеологического искажения, характерного для советской эпохи, и цензурных ограничений при передаче религиозной тематики, как в ситуации с переводами «Таинственного острова» Ж. Верна (**К. А. Чекалов**).

Перевод довольно часто оказывается не только способом ввода «чужого» текста в «свою» культуру, но и средством перемещения текста из разряда неклассики в разряд классики. Ярчайшим примером такой судьбы стал перевод книги Мишеля Фуко «Слова и вещи»; о рецепции книги, о тенденциях развития русского философского языка за последние несколько десятилетий и о ряде изменений, которые претерпевает начальный текст перевода при подготовке критического издания, рассуждает один из ее переводчиков и автор второй редакции перевода **Н. С. Автономова**.

Следует заметить, что когда речь заходит о переводе классических текстов, то переводчик — это всегда одновременно интерпретатор текста. Как точно заметила Н. С. Автономова, «перевод — это не смена одеяний: это процесс, в котором анализ и интерпретация интенсивно переплетаются на всех стадиях» (с. 34). Привлечение к обсуждению известных практиков перевода — это и есть попытка постичь данный процесс и понять масштаб той исследовательской работы, которую проделывают переводчики классики. Практический опыт всегда касается конкретного памятника, но неизбежно затрагивает гораздо более общие проблемы: так, исследователь истории переводов на европейские языки одного рассказа Стриндберга, описывая в том числе и реальное взаимодействие автора с переводчиками, ставит принципиальный вопрос о мере вольности переводчика в обращении с оригиналом (**Е. Бальзамо**); новый перевод произведений Ибсена, предпринятый спустя почти сто лет после предыдущего, позволяет продемонстрировать сознательное стремление переводчика передать язык персонажей во всем богатстве его стилистической палитры, в том числе восстановив тонкий юмор оригинала, практически утерянный в прежних переводах (**О. Д. Дробот**). Рассуждения переводчика о способах передачи поэзии Верлена в итоге выстраивают некий процесс «полиавторства», где каждый следующий перевод

становится значимой репликой в интерпретации оригинала, помогающей прояснить смысл стихотворения (**М. Д. Яснов**). В свою очередь, выделение конкретных неудач, как, например, ошибочно выбранный размер в случае с переводом «Сирано де Бержерака» Ростана или искривленная временна́я структура в предшествующих переводах Пруста, дает возможность в принципе порассуждать о причинах и закономерностях, которые побуждают переводчиков к новым переводам (**Е. В. Баевская**).

Последний раздел номера содержит рецензии, а в некоторых случаях даже рефераты книг о переводе, вышедших в последние годы. На наш взгляд, в специальном номере, посвященном translation studies, такая часть не только уместна, но и нужна, ибо задает некий общий контекст той конкретной (хотя и чрезвычайно важной теоретически) проблематике, которая становится предметом анализа и рассмотрения в отдельных статьях первых двух разделов. Этот современный контекст важен и для собственно специалистов по истории и теории перевода, и для всех интересующихся этим замечательным культурным феноменом, с которым каждый из нас имеет дело — если не как исследователь, то просто как читатель.